

УДК 811.161.1

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (на материале русского и чешского)

© 2011 г.

Е.М. Маркова

Московский государственный областной университет

elena-m-m@mail.ru

Поступила в редакцию 01.03.2011

Анализируются динамические процессы в лексике русского и чешского языков последних десятилетий, устанавливается универсальный характер основных тенденций лексических изменений, констатируется их разная интенсивность и приоритетность в сравниваемых языках.

Ключевые слова: динамические процессы, неологизмы, новообразования, инновации.

Динамические процессы в лексике активизируются в условиях смены культурно-исторических парадигм, чем характеризовался период конца XX – начала XXI века. Общественно-политические, экономические, культурные, духовные и иные изменения, отчетливо обозначившиеся с середины 80-х годов, привели к неологическим процессам в словарном составе не только русского, но и всех славянских языков. Лексическая система оказалась наиболее «восприимчивой» к внешним изменениям, наиболее подвижной и проницаемой.

Как известно, эволюция родственных языков выражается в действии двух противоположных тенденций – дивергенции и конвергенции. Со времени распада праславянского языка славянские языки значительно дифференцировались, обнаруживая многочисленные расхождения на всех языковых уровнях. Ушло в прошлое и понятие **славянской идеи** как представления о единстве славян. Ярким примером проявления этой идеи стало пуристическое движение в первой трети XIX века деятелей чешского национального Возрождения против засилья германизмов в литературном чешском языке и ориентация в этом на русский язык. Борьба чешских «будителей» за национальное возрождение является собой также великий пример успешной борьбы за чистоту чешского языка, за его славянское звучание. Стремление к развитию культурных связей именно в этом направлении породило целые программы культурного сотрудничества славянских народов: концепцию славянской взаимности, зародившуюся в Чехии и Словакии, славянофильство в России.

Современную ситуацию в славянских языках, к сожалению, характеризует победа дезин-

теграционной тенденции. С распадом мультинациональных славянских держав связана волна перемен, которые коснулись и языковых систем, приводя к их дифференциации и разобщению. К примеру, из когда-то единого сербохорватского языка в последние десятилетия выделились сербский, хорватский; растет стремление к обособлению черногорского языка.

В то же время нельзя не заметить, что процессы разобщения, размежевания славянских языков уравниваются едиными, конвергентными тенденциями их внутреннего развития. Не меньшую долю в межславянском языковом пространстве составляют факты схождения, аналогий, относящиеся к конвергентным явлениям.

В настоящее время в лексических системах славянских языков (в том числе чешского, с которым мы проводим основное сопоставление) происходят ускоренные неологические процессы. Результатом этих процессов является активное возникновение в языке **неологизмов** (появление ранее не существующей лексемы, в том числе и в результате заимствования), **новообразований** (как результат словообразовательных процессов по определенным моделям, продуктивным в данном языке) и **инноваций** (когда изменяются: семантически обновляются, преобразуются, приобретают новую коннотацию или утрачивают старую, возвращаются из активного словаря в пассивный, переходят из одной сферы употребления в другую, из разряда малоупотребительных – в разряд частотных – уже существующие в языке единицы).

Одним из характерных языковых процессов новейшего времени является активное проникновение в современные славянские языки став-

ших интернационализмами англоязычных наименований различных реалий жизни современного мирового сообщества, отражающее процессы глобализации, расширения и углубления международных связей, резкого увеличения потока информации с Запада. Лексические неологизмы возникают в результате внешних заимствований, число которых многократно увеличилось во всех сферах жизни. Волна англицизмов захватила не только русский, но и другие славянские языки, способствуя, в конечном итоге, их сближению, хотя экспансия английского языка – явление, безусловно, отрицательное, приводящее к утрате славянской языковой самобытности. Так, при сопоставлении русского и чешского языков обнаруживается значительное количество «общих» англицизмов, например: *уикенд* – чеш. *víkend* ‘выходной день’, рус. *колгерл* – чеш. *callgirl* ‘девушка по вызову’, рус. *имиджмейкер* – чеш. *imagemaker*, рус. *триллер* – чеш. *triler*, рус. *брифинг* – чеш. *brifing*, рус. *глобализация* – чеш. *globalizace* и т.п. По аналогии со словом *алкоголик* в русском языке было создано *трудоголик*, а совсем недавно появилось и *шопоголик* как наименование лица, для которого магазины стали болезненной страстью. Чешский язык напрямую заимствовал лексемы *workoholik* ‘трудоголик’ и *šopoholik* ‘шопоголик’.

Иногда мотивом для наименования предмета становится имя собственное – название наиболее известной фирмы, производящей данный товар, например: рус. *джакузи* ‘ванна с отверстиями для подводного массажа’, чеш. *adidasky* ‘кроссовки’.

Влияние английского языка отмечается не только в виде прямых заимствований, но и в виде калькирования, например: рус. *небоскреб* (буквально ‘дом, скребущий небо’) соответствует чеш. *mrakodrap* (внутренняя форма которого имеет тот же образ: ‘дом, дерущий тучи’). Оба слова являются кальками с англ. *skyscraper*.

По масштабности, интенсивности проникновения англицизмов русский язык, пожалуй, стоит на первом месте среди славянских языков. Во всяком случае, пуристическое забрало в чешском языке продолжает защищать его от засилья англоязычной лексики до настоящего времени. К тому же славянские языки неодинаковы по своему отношению к заимствованиям: одни из них (русский, польский, болгарский, сербский и др.) предпочитают прямые заимствования, поэтому в них отмечается их больше, другие (чешский, словацкий, хорватский) – калькирование, результатом которого является

большая деривационная активность в их современных лексиконах славянских корней. К примеру, рус. *спичрайтер* соответствует чеш. *pisatel projevů* (букв. ‘автор докладов’), рус. *киднеппер* (‘похититель детей с целью выкупа’), *хайджекер* (‘угонщик самолетов’) – чеш. *únosce* (букв. ‘тот, кто уносит’ от общесл. *уносить*); рус. *принтер* – чеш. *tiskárna* (от *tisknout* ‘печатать’), рус. *дайвинг* – чеш. *sportovní potápění* (букв. ‘спортивное погружение’), рус. *джакузи* – чеш. *vířivka* от *vířivá koupel* (букв. ‘вихревая ванна’), наряду с *jacuzzi*. Хотя можно найти и обратные примеры, когда чешскому англицизму эквивалентна калька с английского в русском, ср.: рус. *бездомный*, *бомж* – (разг.) – *homelesák* (от англ. *homeless*) (наряду с *bezdomovec*), рус. *отсутствовать* – чеш. *absentovat* (от англ. *absent*).

В современных славянских языках наблюдается и тенденция к совпадению основных словообразовательных инноваций, среди которых выделяется стремление к заимствованию целых словообразовательных гнезд. Типичными аффиксоидами, получившими распространение в славянских языках, являются, например, *-мейкер*, *-фил*, *-медиа*, *-файл*, *арт-*, *шоу-*, *топ-* и т.п. Отмечается преобладание лексем с подобными словообразовательными элементами в русском языке. В чешском они нередко представлены прилагательными или имеют синонимы в форме прилагательных: рус. *арт-тусовка*, *арт-клуб*, *арт-хаос*, *арт-дилер* – чеш. *umělecké společenství*, *umělecká obec*, *umělecký chaos*, *obchodník s uměleckými předměty* (но: рус. *арт-терапия* – чеш. *arteterapie*); рус. *шоу-тур* – чеш. *nákupní turistika*; рус. *тур-бизнес*, *тур-класс* – чеш. *turistický byznys*, *turistická třída*; рус. *секс-турист* – чеш. *sexuální turista*; рус. *пресс-секретарь*, *пресс-центр*, *пресс-релиз* – чеш. *tiskový mluvčí*, *tiskové středisko*, *tisková zpráva*; рус. *бизнес-модель*, *бизнес-класс*, *бизнес-зал*, *бизнес-план*, *бизнес-центр*, *бизнес-общественность*, *бизнес-концепция* – чеш. *byznysový suit*, *byznysový sal*, *podnikatelská veřejnost*, *podnikatelský zaměr*, но: *business třída*, *business-class*, *byznysplán*, *byznyscentrum*, рус. *бизнес-леди*, *бизнес-вумен* – чеш. *byznysmenka*.

Многочисленные новообразования, отражающие изменения в окружающей общественной жизни, новые ее проявления, созданные в соответствии с внутренними языковыми моделями и основанные на этноспецифических ассоциациях, выделяются в обоих языках: рус. *глушилка* – чеш. *rušička* (из общесл. *рушить*), рус. *дедовщина* – чеш. *šikana* (от разг. *šikanovat* ‘придираться, преследовать, травить, изводить’), рус.

тусовка, туса (от *тусоваться* ‘собираться в каком-л. месте для совместного проведения свободного времени’) – чеш. *mejdan, mejdlo* (возможно, от хорв. *mejdan* ‘рынок’, в котором через турецкий от перс. *mejdan* «рынок», ср. также укр. *майдан* «площадь»), *techeche* в том же значении.

Исследователями отмечается социолингвистическая детерминированность развития славянских языков, включая их лексическую составляющую, которая отреагировала на внешние обстоятельства внутренним изменением. Этот процесс оказался двунаправленным – от центра к периферии, в которую входит устаревшая, или так называемая «резервная лексика», и от периферии к центру, что связано с «возвращением» лексики, а также с проникновением жаргонизмов в литературный язык. Как в русском, так и в чешском значительное число словарных единиц с середины 80-х годов XX века из ядра лексической системы стало активно перемещаться на языковую периферию (в частности, так называемые советизмы: *товарищ, соцсоревнование, колхоз, совхоз, октябренок, пионер, комсомолец, коммунизм, социализм, социалистический лагерь* и др.). Из чешской лексики, помимо перечисленных, можно назвать такие советизмы, как *brigada, sobotnik* и т. п. Перейдя в пассивный словарный запас, эти лексемы ограничили свои функции хранением определенной историко-культурной информации о советской жизни. Нередки и случаи их употребления с иронической коннотацией.

Характерной чертой динамики лексиконов современных славянских языков является перемещение большого количества лексем, принадлежавших к жаргонной лексике, в сферу литературного языка. Процесс «разгерметизации» жаргонов проявляется в том, что жаргонная лексика криминальных кругов появляется в языке политиков, журналистов, присутствует в современных СМИ, в газетных заголовках, рекламах и объявлениях, в литературных произведениях, звучит по радио, телевидению. Слово начинает бытовать одновременно в жаргонном и общезыковом значении, претерпевая трансформации в семантике и меняя свою стилевую принадлежность. Так произошло, например, со словом *беспредел* в русском языке, которое пришло из речи уголовников в значении ‘группировка, притесняющая окружающих’ и стало использоваться в качестве характеристики разнообразных негативных явлений в разных сферах жизни. Аналогом его является чеш. *zvíle* (от общесл. *volja* ‘воля’, т.е. букв. ‘то, что происходит по чьей-то воле’). Характерна культурно-

историческая «знаковость» наиболее употребительных слов так называемого общего жаргона, например, в русском языке: *тусовка, бабки, совок, совковый, разборки, бомж, крутой, баксы, чернуха, халява, туфта, крыша, кайф, лох, лохотрон, лохонуться, кинуть, обуть, замочить, наезжать/наехать* и др.

Не только элементы воровского жаргона, но и лексические единицы, употребительные в других видах корпоративного и профессионального сленга (молодежного, армейского, компьютерного) выходят за пределы своей специфической функциональной сферы, проникают в художественные и массмедийные тексты, приобретают статус общеизвестности, употребляются широкими кругами носителей общелитературных славянских языков. Общий жаргон, или общий сленг, в настоящее время выступает пограничной зоной в плоскости «просторечие – литературный язык», и, по прогнозам лингвистов, часть слов общего сленга со временем может получить статус общелитературности. Примерами могут служить следующие русско-чешские параллели: рус. *прокол* – чеш. *kiks* (от *kiksnout* – ‘проколоться’), рус. *лимон* – чеш. *meloun* ‘миллион’, рус. *комплексовать* – чеш. *mindráku mít*, рус. *перекос* – чеш. *pokřivení*, а также чеш. (арг.) *měkký* ‘золото’ (калька с нем. (арг.) *weich* ‘мягкий’ в значении ‘золото’ на основании метонимического переноса по свойству предмета), рус. *гринь* (также *баксы, зеленые*) – чеш. *doláče* и т.п.

Инновации в языке представлены инносемемами и инноформами. Статус лексических единиц изменяется в результате появления **инносемем** (новых значений лексических единиц). Например, слово *эвакуатор*, известное ранее в значении ‘тот, кто занимается эвакуацией чего-л.’, расширило свой семантический объем за счет появления инносемемы ‘машина для удаления неправильно припаркованных автомобилей’. Инносемемы появились в последнее десятилетие и у русских лексем *застой, обвал, перестройка, прорыв, крутой, челнок* и у чешских – *občanka* ‘паспорт’ из первоначального *občanka* ‘гражданка’ и т.п. Тенденция языковой экономии проявляет себя в данном случае в виде **семантической конденсации**, повторного использования одного и того же знака для номинации другого, ассоциативно связанного с первым, явления действительности.

Примеров инноваций, т.е. переосмыслений, много среди компьютерной лексики: рус. *взломать* (компьютерную сеть) (наряду с *хакнуть*) – чеш. *nabourat se (do programu počítače)* (первоначально ‘разбиться, потерпеть аварию’),

háknout (počítačový system) (первоначально ‘зацепить клюшку соперника’), *hacknout*; рус. *гулять* (также *лазить*, *ходить*) (по Интернету), *zajít* (в Интернет) – чеш. *surfovat internetem / na internet*, рус. *скачать* – чеш. *stáhnout* (первоначально ‘стянуть, стащить что-л. с кого-л.’); рус. *взломщик* (наряду с *хакер*) – чеш. *průnikář* (от общеслав. *проникать*, наряду с *hacker*). Из других тематических групп можно привести следующие параллели: рус. *горячие деньги* – чеш. *horké peníze*, рус. *грязные деньги* – чеш. *špinavé peníze*, рус. *отмывать деньги* – чеш. *prát peníze*, рус. *крутить деньги* – чеш. *točit peníze*; рус. *деревня* (о неотесанном, несовременном молодом человеке) – чеш. *venkovský balík* (букв. ‘деревенский пакет’); рус. *мигалка* (на машине) – чеш. *taják* и др.

Разновидностью инноваций являются и **инноформы**, сущность которых выражается в замене формального выражения существующего слова при сохранении его значения, например, в русском языке появление слов *прайс-лист* вместо старого *прейскурант*, *сэндвич* вместо *бутерброд*, *тинейджер* вместо *подросток*, *паркинг* вместо *стоянка*, *сейл* вместо *распродажа*, *офис* ‘контора’, *блокбастер* ‘популярный фильм’, *хит* ‘популярная песня’, *сингл* ‘отдельно записанная песня’, *ремейк* ‘переделка’, *дизайн* ‘оформление’, *имидж* ‘образ’ и др.

Одной из важных тенденций развития современных славянских языков является и уже упомянутая тенденция **языковой экономии**, которую традиционно связывают с явлением **универбации**, стяжения описательных номинаций в номинации однословные, например: *нейтралка* из *нейтральная скорость* или *нейтральная полоса*, *обменник* из *обменный пункт*, *противоугонка* из *противоугонное средство*, *неуставняк* от *неуставные отношения*, *безнал* из *безналичный расчет* и т.п. Сюда же относятся и номинации с различного рода усечениями конца слова, заменой первоначального суффикса на более короткий или вообще его утратой типа *объява* из *объявление*, *абитура* из *абитуриенты*, *профи* от *профессионал*, *комп* от *компьютер*. Данное явление в чешском языке представлено еще шире в силу большой продуктивности этого способа словообразования: *zmrzka* от *zmrzlina* ‘мороженое’, *mekáč* ‘Макдональдс’, *poč* от *počítač* ‘компьютер’, *prófa* от *professional*, *mergl*, означающее в речи современной чешской молодежи «мерседес» (ср. рус. *мерс*). Наряду с этим встречаются случаи, когда русскому универбату соответствует чешское полное существительное или описательное выражение: рус. *висяк* ‘нераскрытое убийство’ –

чеш. *neobjasněný trestný čin*, рус. *деза, дезуха* – чеш. *dezinformace*.

В русле рассматриваемой тенденции находится и такое явление в современных славянских языках, как рост новообразований с нулевой суффиксацией. Деривация с нулевой аффиксацией, особенно соотнесенная с глаголами, принадлежит к универсалиям славянского словообразования. Различия по славянским языкам в использовании данного способа издавна были связаны прежде всего с тем, на базе каких глаголов осуществляется подобное словопроизводство: приставочных или бесприставочных. Если чешский, словацкий, южнославянские языки искони предпочитали образование имен путем универбации на базе бесприставочных глаголов (например, серб. *вика* ‘крик’ от *викати* ‘кричать’, *гиб* ‘сгиб’ от *гибати* ‘сгибать’, чеш. *kouř* ‘дым’ от *kouřit* ‘дымить, курить’, *kov* ‘металл’ от *kovat* ‘ковать’ и др.), то в русском языке продуктивным было образование подобных универбатов от приставочных глаголов (*закат* от *закатиться*, *восход* от *восходить*, *вход* от *входить* и т.п.). Современный период развития русского языка характеризуется ростом подобных образований как от приставочных, так и бесприставочных глаголов: *доскок*, *наезд*, *втык*, *треп* и т.п.

Расширение славянского словопроизводства путем универбации характеризуется и ростом образования прилагательных и наречий из словосочетаний (типа *праймвая передача* от *prime-time* ‘лучшее время’, *шестидесятнический журнал* от *шестидесятые годы* и т.п.) – явления, ранее распространенного больше в чешском, чем в русском. Активным в современных славянских языках является и словопроизводство компактных результативных глаголов, к примеру, в русском языке пресловутый *сникерснуть* от *съесть Сникерс*, *хлебосолить* от *преподнести хлеб-соль*, *деканить* от *работать деканом*, *профессорствовать* от *работать профессором*, *шопинговать* от *совершать шопинг*, в чешском – *mailovat* ‘писать, переписываться по интернету’, *mejdanovat* ‘тусоваться’ от *mejdan* (‘тусовка, обычно в квартире одного из его участников’) и т.п.

Универсальными в современных славянских языках оказываются и общие направления смыслового развития лексем, начиная от акта номинации. Семантические сдвиги, переосмысления, перенос значений или наименований демонстрируют подчиненность единым моделям. Специфика же зачастую связана с образными компонентами, помогающими реализовать ту или иную модель, с ассоциациями, возникаю-

щими у носителей разных языков. Так, рус. *пакет* соответствует чеш. *balík*, аналогичными являются и большинство их переносных значений: рус. *пакет документов, пакет предложений, пакет законопроектов* – чеш. *balík zákonů*, рус. *контрольный пакет* – чеш. *kontrolní balík (akcií)*. Вместе с тем в чешском языке специфическим является устойчивое выражение с этим словом *ten je v balíku*, которое соответствует русскому разг. *он башлёвый чувак, у него лом бабок*, а также дериват *balit (holky)*, синонимичный рус. *подбивать клинья (под кого)*.

Аналогичными по моделям в славянских языках оказываются и вторичные номинации, основанные на переносе наименования по сходству признаков, функций (метафорический перенос), на основе близости по различным основаниям (метонимический перенос), по звуковым ассоциациям. В качестве примера последнего можно привести слово *лимон* в значении ‘миллион’ в русском языке, в чешском с этой семантикой употребляется лексема *meloun* ‘арбуз, дыня’. С другой стороны, звуковые ассоциации, как правило, национально специфичны. К примеру, в русском языке образное название тысячи рублей – *штука, кусок* – не имеет звукового основания (в отличие от миллиона), а в чешском стало использоваться в этом значении слово *tác* ‘поднос’, имеющее звуковые ассоциации с лексемой *ticíc* ‘тысяча’.

Необходимо заметить, что, невзирая на сходство словообразовательных моделей в славянских языках, общую конвергентность словообразовательных тенденций, в том числе в области семантического словообразования, подчиненности единым процессам интернационализации их лексиконов, наблюдаемая в них картина не является полностью идентичной. Сопоставительное исследование показывает, что вы-

являемые в славянских языках тенденции развития различаются по своей масштабности, активности, темпу, приоритетности тех или иных моделей. Взгляд на изменения, происходящие в современном русском языке на фоне других славянских языков, помогает выявить специфику неологических процессов, осознать эти явления в русле развития общеславянского языкового единства. Это имеет большое не только теоретическое, но и лингводидактическое, воспитательное значение, ибо взгляд на родной язык со стороны другого, близкородственного, языка способствует как расширению лингвистического кругозора учащейся молодежи, так и осознанию своих славянских корней, уникальности славянской языковой общности, что чрезвычайно важно для противостояния современным процессам языковой глобализации и унификации.

Список литературы

1. Гочев Г. Н. К вопросу о неологических процессах в современной русской лексике // Мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ, Варна, 17–23 сент., 2007. Т. 3. С. 59–64.
2. Нецименко Г. П. Тенденции языковой экономики как фактор динамики литературной нормы в славянских языках // Славянские языки и культуры в современном мире. Труды и материалы Межд. науч. симпозиума в МГУ. Москва, 2009. С. 117–118.
3. Толковый словарь русского языка XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 2006. 1132 с.
4. Dvořáček P. Česko-ruský slovník nových a problémových výrazů. 2. doplněné a přepracované vydání. Praha, 2005. 383 s.
5. Krejčířová I. a j. Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů.-2, podstatně doplněné a opravené vydání. Praha, Academia, 2004. 285 s.
6. Slovník nespisovné češtiny.-2. rozšířené vydání. Praha, 2006. 460 s.

MAIN TRENDS IN THE VOCABULARY OF MODERN SLAVIC LANGUAGES (on the material of the Russian and Czech languages)

Е.М. Маркова

Dynamic processes in the vocabulary of the Russian and Czech languages of the last decades are analyzed. The universal character of main trends of lexical changes is determined. It is stated that the intensity and priority of such changes are different in the compared languages.

Keywords: dynamic processes, neologisms, new words and phrases, innovations.